

18+

ЕВГЕНИЙ ЮРЬЕВ

Сад костяных роз

КНИГА ПЕРВАЯ

Евгений Юрьев

Сад костяных роз. Книга первая

«Издательские решения»

Юрьев Е.

Сад костяных роз. Книга первая / Е. Юрьев — «Издательские решения»,

Она — садовница, говорящая с цветами. Он — Терновый Лорд, две сотни лет несущий клятву. Когда в оранжерее Айви расцветает костяная роза, Стена между мирами даёт трещину. Тёрн приходит за ней — не как спаситель, а как похититель. Её кровь пробуждает Сад, но каждый новый цветок забирает часть её памяти. Айви — не человек и не фея. Она — мост между мирами, оружие, ради которого начнётся война. А на троне из корней ждёт тот, кто обещает вернуть ей всё отнятое — ценой лишь её самой.

© Юрьев Е.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Оранжерея	9
Глава 2. Тот, кто ушёл	12
Глава 3. Подвал	14
Глава 4. Дыба	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Сад костяных роз

Книга первая

Евгений Юрьев

Благодарности:

Евгений Геннадьевич Юрьев

© Евгений Юрьев, 2026

ISBN 978-5-0071-2766-0 (т. 1)

ISBN 978-5-0071-2767-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Ночь пахла терновником. Этот запах, горький и цепкий, висел в комнате, смешиваясь с кровью, травами и той приторной сладостью, что всегда сопутствует уходу. Тёрн знал его до мельчайших оттенков. Он мог бы узнать его из тысячи других, потому что каждая нота отдавалась в нём глухой, ноющей болью, которая не отпускала уже двадцать лет.

Лира умирала.

Она лежала на кровати, неестественно бледная, почти сливаясь с белизной простыни. Тёмные, некогда смоляные волосы разметались по подушке, и лишь у висков серебрилась седина — единственное, что выдавало её возраст. Её глаза были открыты. В них всё ещё тлел тот самый огонь, который когда-то свёл его с ума. Который он любил. Который проклинал каждую ночь после её ухода.

— Подойди, — прошептала она.

Тёрн шагнул вперёд. Колени коснулись холодного каменного пола. Он взял её руку — тонкую, обжигающе горячую, с проступающими синими венами. Ту самую руку, что когда-то держала его лицо, когда он рыдал, захлёбываясь от потери. Руку, научившую его сажать цветы. Руку, разбившую его сердце на тысячи осколков.

— Лира, — вымолвил он. Голос предательски дрогнул, и он возненавидел себя за эту слабость.

— Ты знаешь, зачем я позвала тебя, — ответила она. Каждое слово давалось ей с трудом, вырывалось с хрипом, но она всё равно говорила. Всегда говорила. Даже когда молчала, её голос звучал в нём.

— Знаю, — он сжал её пальцы. — Но я не могу.

— Можешь. Ты — единственный.

Она попыталась приподняться, но силы оставили её. Тёрн поддержал её за плечи и осторожно уложил обратно. В её взгляде плескалась такая мука, что он едва сдержал стон.

— Ты помнишь ту ночь? — спросила она. — Когда я ушла?

— Помню.

— Ты хотел остановить меня.

— Да.

— Почему не остановил?

Тёрн молчал. Что он мог сказать? Что боялся? Что знал: если удержит её, она умрёт здесь, в этом замке, в окружении ненавистного ей терновника? Что любил её слишком сильно, чтобы обречь на верную смерть?

— Я не мог, — произнёс он наконец. — Ты хотела быть свободной.

— Я была свободна, — горько усмехнулась она. — Я ушла, потому что не хотела, чтобы ты погиб ради меня.

— Я бы погиб.

— Знаю. Поэтому и ушла.

Наступила тишина. Где-то за окном шумел терновник — живая стена, отделявшая их мир от мира людей. Тёрн слышал, как ветер перебирает ветви, как шелестят колючки, и понимал, что завтра этот звук будет терзать его с новой силой.

— Ты любил меня, — сказала она. — Я знаю.

— Знала.

— И я любила тебя. Но я любила и его.

Тёрн не стал спрашивать, о ком она. Он знал. О человеке. Об отце ребёнка, что спал сейчас в соседней комнате. О том, кого она выбрала вместо него.

— Ты была счастлива с ним? — спросил он, хотя уже знал ответ.

— Да, — ответила она. — Он был добрым. Он не знал, кто я. И я не хотела, чтобы он узнал.

— А теперь?

— Теперь знает. Испугался. Ушёл. Отдал мне ребёнка и сбежал. Сказал, что не сможет жить с чудовищем.

Тёрн стиснул челюсти до хруста. В груди всколыхнулась глухая ярость — не на неё. На того ничтожного человека, что посмел назвать Лире чудовищем. Она была светом. Единственным светом в его жизни.

— Ты не чудовище, — выдохнул он.

— Я — Хранительница Сада. Я — фея. Для них это одно и то же.

Она закашлялась, и на губах выступила кровь. Тёрн вытер её уголком простыни. Его собственные пальцы дрожали.

— Ты умираешь, — сказал он. — Сад чувствует это.

— Да. И я хочу, чтобы ты знал: я отдала ей всё.

— Что?

— Свой дар. Свою силу. Память о Саде. Она ничего не вспомнит. Она вырастет среди людей. Как человек. Я сделала её человеком.

Тёрн застыл. Он знал цену этому дару. Это была не быстрая смерть от меча, а медленное, мучительное угасание. Он знал, что она умирает, но не знал, что она сама выбрала эту смерть.

— Зачем? — едва слышно спросил он.

— Чтобы она жила. Чтобы у неё был выбор. Чтобы она не стала тем, кем стала я.

Она повернула голову к двери, за которой, в соседней комнате, спала девочка. Три года. Тёмные волосы, как у матери. Маленькие пальчики, которые уже тянулись к цветам.

— Ты должен взять её, — сказала Лира. — Отдать отцу. Он ждёт у южного разлома. Он трус, но не злодей. Он позаботится о ней.

— А если я не возьму?

— Тогда она умрёт здесь. Или вырастет такой же, как я. И Сад сожрёт её.

Тёрн поднялся, отошёл к окну. Терновник за стеклом шевелился, словно живой. Он чувствовал голод Сада, его знание о девочке и его жадное желание.

— Я обещал тебе, — сказал он, не оборачиваясь. — Когда мы были молоды. Я обещал всегда защищать тебя.

— Теперь защищай её.

Он обернулся. Лира смотрела на него с мольбой. Не за себя. За дочь.

— Поклянись, — прошептала она. — Поклянись, что не дашь ей стать Хранительницей. Что она будет жить среди людей. Что она будет счастлива.

Тёрн вернулся к кровати, опустил на колени и взял её руки в свои.

— Клянусь, — вымолвил он. — Я не дам ей стать тобой. Я буду следить за ней. Издалека. Но не вмешаясь. Она будет человеком.

Лира улыбнулась. Впервые за долгие месяцы. И в этой улыбке смешались благодарность, боль и та любовь, которую она так и не смогла ему подарить.

— Спасибо, Тёрн, — прошептала она.

Она закрыла глаза. Дыхание её стало ровным. Тёрн сидел рядом, держал её за руку и ждал.

Она ушла через час. Тихо, без боли — просто перестала дышать.

Тёрн долго сидел, глядя на её лицо, на её руки, на следы, что она оставила в этом мире. Потом встал, накрыл её простынёй и пошёл в соседнюю комнату.

Девочка спала. Крошечная, тёплая, с кулачками, прижатыми к груди. Её волосы пахли мятой — той самой, что росла в Саду и была посажена руками её матери.

Тёрн взял ребёнка на руки. Девочка не проснулась, лишь прижалась к нему, и что-то в его груди разорвалось от этого доверия.

— Я не дам тебе умереть, — прошептал он. — Я обещал.

Он вышел из замка, пересёк двор, прошёл через мёртвый лес к южному разлому. У Стены ждал человек — бледный, испуганный, с трясущимися руками.

— Это она? — спросил он.

— Да. Возьми.

Тёрн отдал ребёнка. Отец прижал дочь к груди, и по его щекам потекли слёзы.

— Я не знаю, как... — начал он. — Я не знаю, что мне делать.

— Люби её, — сказал Тёрн. — Просто люби. Этого достаточно.

Человек кивнул, развернулся и ушёл в ночь, унося с собой свет.

Тёрн остался стоять у Стены, глядя, как гаснет вдали крошечный огонёк, как исчезает ребёнок, что был частью Лиры, частью его собственного сердца.

Он не знал тогда, что увидит её снова. Что через двадцать лет перейдёт Стену, чтобы забрать её. Что нарушит клятву, данную умирающей женщине.

Но в ту ночь он просто стоял и смотрел. А терновник за его спиной шептал:

— Ты вернёшь её. Рано или поздно. Ты вернёшь Сад.

Тёрн не ответил. Он просто ушёл в темноту.

Глава 1. Оранжерея

Оранжерея пахла так, как пахнут только места, которые отказываются умирать. Сырой землёй, нагретым стеклом, листьями — живыми, назло всему. Айви любила этот запах, потому что он был единственным, что не пахло ложью.

Она стояла на коленях, голыми пальцами перебирала грунт у корней старой чайной розы. Земля забивалась под ногти, въедалась в кожу, и это было правильно. Так было всегда: сколько она себя помнила, руки её были в земле. Сначала рядом с матерью, потом вместо неё.

— Ну чего ты, — прошептала она, поглаживая сухую ветку. — Ещё поживёшь.

Роза не отвечала, но Айви чувствовала её. Не словами — телом. Знала, где болит, где гниёт, где ещё остался сок. Ей не нужно было ничего объяснять. Она просто знала, как знала, что если не заговорит с цветами, они умрут. А она останется совсем одна.

Она закрыла глаза и позволила себе на мгновение вернуться в прошлое.

— Видишь, Айви? — мама сидела рядом, её руки, тёплые, пахнущие мятой, лежали поверх её маленьких ладошек. — Цветы слушают. Если ты будешь врать им, они завянут. Никогда не ври тем, кто растёт из земли.

— Они слышат, как мы? — спросила маленькая Айви.

— Слышат. Даже когда мы молчим. Они чувствуют, что у нас внутри. Поэтому, если ты злишься, лучше не подходи к ним. Или они завянут от твоей злости.

— А если я боюсь?

— Если ты боишься — они дадут тебе силу. Просто посади семя и жди. Оно вырастет вместе с твоей смелостью.

Айви открыла глаза. Воспоминание исчезло, как дым. Оно было тёплым, но размытым: она видела руки матери, но не лицо. Помнила голос — мягкий, чуть хрипловатый, — но не могла вспомнить, как мама выглядела. Только руки. Всегда руки.

— Опять разговариваешь с ними?

Айви не обернулась. Марта, служанка с королевской кухни, стояла в дверях, уперев руки в бока. От неё пахло луком и дымом очага. И ещё страхом. Марта всегда пахла страхом, когда спускалась в оранжерею.

— Они слушают лучше, чем люди, — ответила Айви. — Люди слышат только то, что хотят. А цветы — всё.

— Оно и видно. Ты вся в земле опять. Леди смотрит на тебя как на полоумную.

— Леди пусть смотрит на свои розы. Или пусть сама копается в навозе.

Марта фыркнула, но без зла. Айви знала: эта женщина одна из немногих, кто не желал ей смерти за спиной. Просто потому что Айви умела молчать, не лезла в чужие дела, делала свою работу и не жаловалась.

— Иди отмывайся, — сказала Марта. — Через час король ждёт цветы в большом зале. И не вздумай опоздать. Сегодня бал. Будут все.

— Все — это кто?

— Все, кто ещё не сгнил от страха. И те, кто сгнил, но делает вид.

Айви усмехнулась. Поднялась, отряхнула юбку. Грубая ткань промокла на коленях. Ничего, не впервой. Она прошла мимо длинных рядов с розами: белыми, алыми, чайными, дикими. Каждая была её. Нет, не так. Каждая была сама по себе, но Айви знала их, как знают соседей по улице: у этой характер скверный, у этой корни слабые, а эта, вон та, тёмно-бордовая у стены, вообще не должна была выжить после зимы, но выжила. Назло.

И она тоже выжила. Назло.

Айви помнила тот день, когда пришла во дворец. Ей было одиннадцать. Мать умерла за год до этого — тихо, во сне, не оставив даже прощального слова. Отец, которого она почти не

знала, привёз её в столицу, отдал в услужение и исчез. С тех пор она не видела его. Не искала. Зачем?

Она была одна. Всегда была одна. Даже когда рядом были люди.

Вода в кувшине была холодной. Айви умылась, глядя в мутное зеркало на стене. Лицо бледное, с тёмными кругами под глазами. Волосы спутанные, с землёй в прядях. Она попыталась пригладить их, но бесполезно — они всегда вились, как хотели.

— Всё равно никто не смотрит, — прошептала она себе.

Она надела чёрное платье, которое выдали два года назад и с тех пор не перешивали. Оно жало в груди и висело мешком на бёдрах, но других не было. Не для садовницы.

Марта ждала у входа. В руках она держала корзину с розами — белыми, как снег. Белее, чем лица этих людей.

— Держи, — сказала Марта, протягивая корзину. — И не смотри на них так. Ты не мать им.

— Я знаю.

Она взяла корзину. Розы пахли сладко, почти приторно. Айви ненавидела эти цветы — не потому что они были плохими. Потому что их выращивали не для жизни. Для смерти. Для украшения столов, на которых решались судьбы. Для волос знатных дам, которые никогда не касались земли.

— Иди, — вздохнула Марта. — И не опоздай. Король сегодня в плохом настроении.

— Когда он в хорошем?

— Никогда. Но сегодня особенно.

Айви кивнула и пошла к замку.

Она не любила бал. Она ненавидела его. Толпу, которая смотрит сквозь неё. Шёпот, который она не слышит, но чувствует. Взгляды, которые оценивают, сравнивают, отвергают. Она была призраком в этом мире. Иногда полезным, чаще незаметным.

Но сегодня что-то было не так.

Она не знала, что именно. Но с самого утра у неё было странное чувство, что что-то изменилось. Что земля под ногами чуть теплее, чем обычно. Что воздух в оранжерее стал гуще. Что розы — даже те, что спали зимним сном, — вдруг распустились.

Она прошла мимо кадки с мёртвым жасмином и остановилась.

Жасмин погиб месяц назад. Просто в один день листья свернулись, почернели и осыпались. Айви тогда полночи просидела рядом, перепробовала всё, что знала, но не спасла. С тех пор кадка стояла в углу, как немой укор.

И вот сейчас что-то было не так.

Айви нахмурилась. Приблизилась.

Земля в кадке была тёплой. Нет, этого не могло быть. Оранжерея не отапливалась с весны.

Она протянула руку, коснулась сухой земли и одёрнула пальцы. Под землёй что-то шевелилось. Как червь, только крупнее, только глубже. И оно было горячим.

— Твою мать...

Она отступила на шаг, сердце ударило в рёбра.

Из земли, там, где ещё вчера был мёртвый ком корней, пробивался росток. Он был неправильным: не зелёный, а серый, с восковым отливом, как старая кость. И он рос не вверх, а вбок, будто не мог решить, где свет. Айви смотрела, как он утолщается, как на нём вспухают узелки — будущие шипы.

А потом росток распрямился. И раскрылся.

Цветок.

Айви видела много цветов. Она знала розы, которые пахли так, что от запаха кружилась голова. Знала те, что цвели только ночью. Знала ядовитые и целебные. Но такого не видела никогда.

Лепестки были из кости. Настоящей, белой, пористой, с тонкими прожилками — вырезанные из лопатки мелкого зверька. Внутри, в глубине, где у нормальной розы прятались тычинки, что-то пульсировало. Тихо, мерно. Как сердце.

Айви не закричала. Не потому что была смелой — просто голос пропал.

Она стояла и смотрела, как костяная роза поворачивается к ней, словно у цветка были глаза.

— Что за дрянь... — прошептала она.

И роза качнулась.

Айви отшатнулась, врезалась спиной в стеллаж. Горшки загремели, с одного слетела трава, земля посыпалась на пол.

В дверях снова появилась Марта.

— Ты чего там, убилась?

Айви хотела ответить, но слова застряли. Она только показала рукой. Туда, в угол.

Марта посмотрела. Потом на Айви. Потом снова в угол.

— Там горшок с твоим мертвяком. И что?

— Ты не видишь?

— Чего? Пустой земли? Или того, что у тебя руки трясутся?

Айви наконец перевела взгляд на кадку.

Земля была сухой. Ровной. Ни ростка. Ни цветка. Только маленький серый лепесток на полу, у самого края, там, куда не падал свет.

— Ничего, — выдавила Айви. — Показалось.

Марта покачала головой.

— Показалось ей, — проворчала она. — Совсем рехнулась, девка. Иди уже, опоздаешь.

Она ушла, бормоча что-то про дурную кровь и про то, что нормальные девушки в таком возрасте уже троих родили, а эта всё с цветами.

Айви подождала, пока шаги стихнут. Потом наклонилась и подняла лепесток.

Он был лёгкий, как пустая раковина. И тёплый.

Она сжала его в кулаке. Захотелось бросить, сжечь, растоптать. Но вместо этого она сунула его за пазуху, туда, где под тканью билось сердце.

Идиотка. Нужно было выбросить.

Но рука не поднялась.

Глава 2. Тот, кто ушёл

Большой зал гудел.

Сотни свечей липли к стенам жёлтым воском, вино лилось реками, музыка давила на уши, смешиваясь с голосами, смехом и звоном бокалов. Айви стояла в тени колонны, сжимая в руках корзину с розами. Белыми. Белее, чем лица этих людей.

Их надо было раздать, вплести в волосы знатных дам, украсить столы, поднести королю.

Айви ненавидела это. Не работу. А то, как на неё смотрели. Как на пустое место, которое иногда бывает полезным.

Но она шла. Улыбалась. Протягивала цветы, выслушивала брезгливое «поставь сюда» и отходила. Её руки касались чужих пальцев, утыканных кольцами. Её глаза встречали чужие взгляды — пустые, сытые, скучающие. Она была тенью среди света, и это устраивало всех.

Она почти закончила, когда увидела его.

Роуэн стоял у окна, спиной к залу, и цедил вино из кубка, будто хотел утопить в нём весь этот вечер. Высокий, светловолосый, в мундире королевского охотника. Тот самый Роуэн, с которым они в детстве воровали яблоки у мельника. Который однажды вытащил её из реки, когда она провалилась под лёд. Который через месяц после этого ушёл в столицу и не оглянулся.

Она не подошла. Зачем?

Он сам её заметил. Сквозь толпу, словно почувствовал. Повернул голову, и их глаза встретились.

Айви кивнула.

Роуэн не кивнул в ответ. Только поднял кубок — то ли приветствие, то ли насмешка.

Она прошла дальше, к королевскому столу.

Король Астфорда сидел во главе — грузный, краснолицый, с перстнями, которые едва не лопались на пальцах. Рядом советник с крысиным лицом. Дальше гости, которых Айви не знала.

Она низко поклонилась.

— Розы для вашего стола, ваше величество.

Король скосил на неё мутный взгляд.

— Поставь. И исчезни.

— Да, ваше величество.

Она поставила корзину на край стола. Руки не дрожали. Почти.

И тут что-то кольнуло в груди. Под тканью, там, где лежал костяной лепесток.

Айви замерла.

Он стал горячим. Обжигал, как уголёк.

Она медленно подняла глаза. Король смотрел на неё, но странно — не как на служанку. Как смотрят на пятно, которое вдруг поползло по скатерти.

— Ты, — сказал он, и голос его стал ниже. — Подойди.

Айви не двигалась.

— Ближе.

Она сделала шаг. В висках стучало. Лепесток под тканью пульсировал в такт сердцу — или это сердце билось в такт с ним?

Король встал. Все за столом затихли. Музыка, кажется, ещё играла, но звук ушёл куда-то в подушку, в туман.

— Покажи руки, — приказал он.

Айви разжала пальцы. На ладони ничего — только земля, которую не отмыла.

Король взял её за запястье. Пальцы у него были липкие от вина.

— Ты пахнешь, — сказал он. — Пахнешь как...

Он не договорил. Потому что из рукава Айви, из-под грубой ткани, выскользнул серый лепесток. Он упал на белоснежную скатерть. И расцвёл.

На глазах у всех.

Маленькая костяная роза раскрылась, как пасть. И повернулась к королю.

Кто-то вскрикнул. Кто-то опрокинул кубок. Айви попыталась отступить, но король сжал запястье железной хваткой.

— Откуда?! — рявкнул он. — Откуда у тебя семя?!

— Я не знаю! — выкрикнула она. — Оно само! В оранжерее!

— Это ложь!

— Клянусь!

Роуэн появился откуда-то сбоку. Лицо бледное, глаза ледяные.

— Ваше величество, позвольте...

— Молчать! — Король отшвырнул Айви, и она ударилась боком о стол. Перед глазами поплыло. — Стража! Взять её!

Айви не успела даже подняться. Ей заломили руки за спину, кто-то дёрнул за волосы. Зал загудел, как растревоженный улей. Дамы прижимали платки к лицам. Костяная роза продолжала лежать на столе, и её лепестки мелко дрожали.

— Заприте в подвале, — процедил король. — Завтра она ответит за всё. Если понадобится — пусть говорит с дыбой.

Айви выворачивалась, пыталась кричать, но её уже волокли прочь. Последнее, что она увидела, — Роуэн, стоящий над столом и смотрящий не на неё, а на розу. Смотрящий так, будто увидел собственную смерть.

Глава 3. Подвал

Подвал был каменным. Холодным. Воняло сыростью и железом.

Айви бросили на пол, заперли дверь и ушли. Свет проникал только через узкую щель под потолком, где решётка прикрывала вентиляцию. Луна. Или её тень.

Она села, обхватила колени руками. Тело болело, запястья горели от верёвок, хотя их уже сняли. Наверное, из жалости. Или чтобы не сдохла раньше времени.

— Идиотка, — прошептала она в темноту. — Надо было выбросить.

Но она не выбросила. И теперь сидела в яме, как последняя дура, а где-то наверху, в сияющем зале, король уже, наверное, подписывал указ о её казни.

За что?

Она сама не понимала.

Костяная роза. Семя. Она слышала это слово. Так говорили о феях — о тех тварях за Стеной, которые пьют кровь, крадут детей и сеют свои проклятые цветы в человеческих землях.

Но откуда? Она же не...

Она закрыла глаза и попыталась вспомнить. Мама. Оранжевая. Жасмин. Росток. Это был сон? Или правда?

Она не знала.

Айви прижалась спиной к холодной стене. Плесень пахла влажной землёй, и этот запах был единственным, что успокаивало. Она закрыла глаза и позволила себе вернуться в прошлое.

— Мама, почему у нас нет сада? — маленькая Айви сидит на коленях у матери и смотрит, как та заваривает травы. Комната пахнет мятой и сушёными цветами.

— У нас есть оранжевая, — улыбается мама. — Это лучше, чем сад. Там цветы защищены от ветра, от дождя, от злых людей.

— А от фей?

Мама замирает. На мгновение. Потом берёт Айви за руку. Её пальцы тёплые, пахнут землёй.

— От фей защищает только правда, Айви. Если ты будешь говорить правду — они не смогут тебя обмануть. Запомни это.

— А ты говоришь правду?

Мама молчит. Долго. Потом целует её в лоб.

— Я говорю ту правду, которую ты должна знать. Остальное — когда вырастешь.

Айви открыла глаза. Тьма вокруг была непроглядной. Она сжала кулаки, впиваясь ногтями в ладони. Боль отрезвляла.

— Мама, что ты от меня скрывала? — прошептала она в тишину.

Ответа не было. Только крысы шуршали в углу, да где-то далеко капала вода.

Дверь скрипнула через несколько часов. Или дней. Айви потеряла счёт времени.

Она вскинула голову.

В темноте проёма стоял Роуэн. Факел в его руке бросал на стены пляшущие тени.

— Ты жива, — сказал он.

— Пока жива. Завтра утром — вряд ли.

Он вошёл, прикрыл дверь. Сел на корточки, напротив.

— Ты понимаешь, что произошло?

— Роза. Она была в моём рукаве. Я не знала, что она зацветёт прямо там.

— Не в цветке дело, Айви.

— А в чём?

Он помолчал, поднял факел выше, вглядываясь в её лицо.

— Семя фей, — сказал он тихо. — Оно проросло в королевской оранжерее. На человеческой земле. Это значит, что Стена дала трещину.

— Стена?

— Та самая. Терновая. Что отделяет нас от их мира. Если она падёт, сюда хлынут такие твари, что ты захочешь, чтобы тебя казнили первой.

Айви молчала. Пульс стучал в висках.

— Я не знала, — выдавила она.

— Знаю. Но этого мало.

Роуэн подался вперёд, голос его стал едва слышимым.

— Слушай меня. Завтра тебя будут допрашивать. И не просто спрашивать — пытаться. Ты можешь не пережить.

— Тогда зачем пришёл?

— Потому что я знаю, как тебя вытащить.

Она вскинула на него глаза.

— Признайся, — сказал он.

— В чём?

— В том, что ты чувствовала. Что роза звала тебя. Что ты слышала её. Что она не чужая тебе.

— Ты спятил? Это же смерть.

— Нет. Это правда. А правда — единственное, что может спасти твою шкуру.

— Чью правду? Твою? Или короля?

Он вздохнул, поднялся, провёл рукой по лицу.

— Я попробую поговорить с отцом. Но ничего не обещаю.

И ушёл.

Айви осталась одна. В темноте, которая пахла плесенью и страхом.

Она закрыла глаза.

И тогда услышала.

Тихий, вкрадчивый звук. Как будто что-то скребётся за стеной. Не снаружи — внутри.

Она резко распахнула глаза.

На запястье, там, где остались следы от верёвок, набухла тонкая белая лоза. Она обвивала руку, как змея, и тянулась к ладони.

— Нет, — прошептала Айви. — Нет, нет, нет...

Лоза сжалась.

И в голове, ясно и отчётливо, прозвучал чужой голос. Мужской, низкий, холодный, как земля на глубине шести футов.

— Ты моя садовница. Я иду за тобой.

Айви закричала.

Глава 4. Дыба

Голос растаял не сразу. Он ещё звенел в костях, в зубах, в кончиках пальцев — ледяная игла, пронзившая нервы. Айви сидела, прижавшись спиной к холодной стене, и не могла отдышаться. В горле саднило от крика.

— Ты моя садовница. Я иду за тобой.

Она обхватила запястье. Лоза, обвившая руку, никуда не исчезла. Побелела, приросла к коже, будто всегда там была. Как шрам. Как клеймо, которое не смыть.

— Это не по-настоящему, — прошептала Айви, сама не веря собственным словам. — Это от голода. От страха. Так бывает.

В подвале стояла тишина. Даже крысы затихли.

Айви подняла голову. В щель под потолком сочился серый свет. Рассвет. Значит, скоро придут. И начнётся.

Она не знала, сколько просидела так — может, час, может, три. Время в темноте сворачивается, теряет длину, становится тягучим, как смола. В голове крутилось одно и то же: за что? Почему роза? Почему она?

Ответа не было.

Дверь лязгнула.

Айви вздрогнула. Лоза на руке сжалась, и она едва сдержала вскрик — будто почувствовала чужое присутствие.

В проёме — двое стражников. За ними — советник с крысиным лицом. Тот самый, что сидел рядом с королём.

— Встать, — бросил он.

Айви поднялась. Ноги затекли, колени хрустнули. Она выпрямилась, насколько могла, хотя внутри всё ходило ходуном.

— Руки.

Она протянула руки. Советник скользнул по ней взглядом, задержался на запястье. Но лозы уже не было видно — она втянулась под кожу, спряталась. Или Айви хотелось в это верить.

— Наручники, — сказал советник.

На запястьях защёлкнули тяжёлый металл. Холодный, грубый. Айви стиснула зубы.

Её вывели во двор.

Утро было мокрым. Небо висело низко, как грязная тряпка. Пахло гарью — где-то жгли листья. Или не листья.

Во дворе, у стены, уже собиралась толпа. Не из любопытных — из тех, кому приказали. Слуги, стража, пара писцов. Айви не видела Роуэна. Наверное, к лучшему.

Её поставили перед королём.

Тот стоял на ступенях, закутанный в меха, и смотрел на неё так, будто она уже была мертва. Лицо — как топором вырубленное. Под глазами мешки — видно, не спал.

— Имя, — сказал он.

— Айви Ларк.

— Кто твои родители?

— Мать — знахарка. Умерла. Отец... — Она запнулась. — Я его не знала.

Король прищурился.

— Где ты взяла семя?

— Я не брала его. Оно выросло в оранжерее. В кадке с мёртвым жасмином.

— Врёшь.

— Клянусь.

Он шагнул вниз. Толпа затихла.

— Ты хоть понимаешь, что это такое? — он ткнул пальцем в сторону стола, на котором в прозрачном сосуде лежала костяная роза. Живая. Она всё ещё подрагивала лепестками, как рыба без воды. — Это семя Тернового Лорда. Проклятая дрянь из-за Стены. Оно не растёт на человеческой земле. Оно не может расти. Если оно проросло — значит, ты принесла его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.